

Лидия Сухаревская

В день юбилея

Зрители хорошо и давно знают народную артистку РСФСР, лауреата Государственной премии Лидию Сухаревскую. Памятны ее героини — Лидия Васильевна в «Старомодной комедии» А. Арбузова, «Мать» К. Чапека, Хазина из «Дома, где разбиваются сердца», Софья Ковалевская, Гедда, Эдит Пиаф и многие другие, сыгранные в театре и кино...

Образы, созданные актрисой, утверждают веру в добро, в преобразующую силу искусства. В одной из статей Лидия Павловна писала: «ты, актер, можешь играть роль лишь соответственно устройству твоей души». В каждой работе актриса стремится привлечь общественное внимание к тем или иным явлениям времени, ищет жизненный эквивалент роли, образа. Ей всегда важно внести личное понимание в разработку нравственного облика нашей современницы, потому Лидия Павловна всегда жаждала встречи с характером современной женщины.

Театр жив откровением

— Что сегодня вас радует и волнует в современном театре, что настораживает?

— Искусство театра — это прежде всего эмоция, прежде всего она воздействует на ум и сердце и должна быть осмыслена, — говорит Лидия Павловна Сухаревская. — А мы — и актеры, и зрители — бываем поразительно неоткровенны в чувствах.

Мне кажется, что, видимо, своеволие, а порой излишний депотизм некоторых режиссеров задушивают актера, он все больше боится импровизации, реже на нее идет, боится ошибок: «Мне так велел режиссер!..» А ведь верно сказал Петр Капица, что «ошибки — диалектический способ роста, истины».

— Когда-то во время гастролей в Москве известного французского мима Марселя Марсо, вы, приветствуя его, сказали, что театр жив словом, а вот соприкоснувшись с его искусством пластики и увидели, как многогранно сценическое искусство. Как вы сейчас относитесь к слову на сцене, в кино?

— Сейчас часто все шепотом, шепотом — это почему-то считается «жизненно достоверным». А в результате, по моему мнению, исчезает подлинно театральная интонация, ее ищут, а она должна органично, естественно прийти сама собой, и уж, конечно, не за счет многих многозначительных пауз, во время которых герои то курят долго, то долго «думают». Просто проявляется подражание подражанию жизни, а не самой жизни.

И еще. Драматурги, режиссеры уж очень много выдумывают порой невероятное, стремясь обязательно удивить. Но зачем? В театре факт — еще не все. Даже самый жгучий момент может стать безразличным в восприятии зрителя. При факте нужна работа ума и сердца. Необходимо вдуматься в рядовой поступок рядового человека — это-то и может принести неожиданный и действенный результат. Вот яркий пример. Актриса Наталия Гундарева, которую я очень люблю, в фильме «Директор детского дома». Там есть такой эпизод — мальчик приходит к ней и спрашивает: «Когда придет моя мама?» Она не отвечает, молчит — пауза: «Может быть, никогда...» Молчит и ребенок. Бескорыстна и прекрасна эта пауза. Малыш поворачивается и уходит... Проникновенное исполнение. Я говорю о тех минутах, которые стоят порой иных фильмов.

— Как вы относитесь к своей профессии? Часто ли она вас радовала?

— Недавно прочтала в одном журнале интервью с интересным актером и была просто изумлена, а точнее, оскорблена его словами:

«...актерская профессия — все-таки подлая профессия» (?!), и дальше: «Подлость моей профессии в том, что я всегда должен быть новым, но, увы, это не всегда получается... В театре обязательно надо чем-то удивить. Это удастся далеко не всегда, но стремление к этому всегда есть у всех. В этом весь смысл нашей профессии... Я боюсь надоест, прискучить зрителю, стать неинтересным ему. Иначе я его потеряю».

Ну, во-первых, насчет «удивления» не могу согласиться. Даже упомянутая Наталия Гундарева ничем в фильмах не удивляет, но захватывает в плен своей игрой. И надо ли постоянно удивлять зрителя? Разве он не сотворил происходящего? Ведь он всматривается, вслушивается, делает выводы. Это он, зритель, — наша совесть и порой судья. Я всегда все изъязы игры брала и беру на себя — значит не сосредоточилась, не в настроении, еще какое-нибудь «не», но — мое, не его — зрителя. А удивлять — это не функция театра (может быть, всего лишь репетиционный прием). Наверное, потому так много чепухи, мелочи, суеты, всего далекого от театра появилось в кино и театре в поисках этого «удивления», да еще вседозволенность некоторых режиссеров, они действительно стали порой просто щеголять «исканиями».

— Как вы относитесь к проблеме занятости актеров?

— Вот еще одно щегольство — щегольство занятостью. Почти все актеры во всех интервью в один голос твердят: занят... съемки, телевидение, радио... Этим, мне думается, в какой-то мере актер предает театр, ибо речь идет о не всегда нужной, не всегда обязательной для его творческой личности занятости. А театр, которому он принадлежит, несомненно, от этого страдает. В нем наступает вокзальная суета, пропадают атмосфера, заинтересованность, дисциплина.

— Как вы относитесь к тому, что в театре нередко используются элементы кино, а в кино — элементы театра, а режиссеры кино ставят театральные спектакли, и наоборот.

— Недавно я прочтала интересный диалог Никиты Михалкова и Станислава Любшина. Мне нравится их истинно творческое отношение к тому, что они делают, их творчески неповторимые индивидуальности. В этом диалоге я уловила очень ценное — их работа проходит осознанно, а главное неторопливо, как и следует в настоящем творчестве, я бы даже сказала — раздумчиво и любовно. А то, что Никита Ми-

халков ищет в театре применения элементов кино, — это хорошо, так же, как и то, что он всегда работает с кругом близких ему по духу и творчеству актеров. Нравится мне и его разумная точка зрения на кинопробы — такое присущее лишь большим мастерам. По-моему, надо ему и дальше развивать свои идеи, ведь проблема взаимоотношений театра и кино еще не решена, ибо каждый смотрит лишь в свою сторону.

— Много говорят о проблеме «Кто важнее в театре — актер или режиссер?»

— Конечно, я против всяческого проявления актерского инфантилизма, школярства. Ведь для меня актер — соавтор и единомышленник драматурга, связан с режиссером «соподчиненным равенством». Профессия актера для меня не вторична.

Еще чаще говорят, что старые стереотипы не укладываются в стереотипы новые. Это происходит просто потому, что не существует старых и новых, и не надо вывертываться в этих поисках. Актер — всегда один, один и тот же. Вокруг него могут «открываться», «изобретаться», «удивлять», «искать», «самовыражаться» и что там еще угодно, а актер единица измерения в театре, точка отсчета в его искусстве.

— Как-то вы писали: «Моя сущность, моя личность, вся моя жизнь — это строительный материал для человека-образа, для человека-роли».

— В этом году я сыграла в пьесе молодого драматурга Александра Розанова и в постановке молодого режиссера Юрия Иоффе «Ночь ангела». Я играю в ней с жадным удовольствием, играю после долгого «простоя». Моя героиня необъяснимым образом родится с моими прежними работами — математиком Софьей Ковалевской и певицей Эдит Пиаф. Все они бесконечно преданы делу своей жизни. Эдит Пиаф на вопрос журналиста: «Что вы будете делать, когда не сможете петь?» — ответила: «Я не буду жить».

— Как вы относитесь к юбилеям?

— Это, на мой взгляд, веселый, жизнерадостный праздник, в чем-то торжественный и наверняка с интересными перспективами на будущее. Вот и сейчас предстоит возобновлять с Андреем Александровичем Гончаровым пьесу, когда-то им поставленную со мной. Это не должно быть повторением пройденного. Работать с новыми мыслями и трактовками ролей вдвойне интереснее...

Беседу вела
Л. САМАРИНА.